

УДК 330.8

Выбор в условиях глобальной неопределенности

The choice in the face of global uncertainty

В условиях геополитических потрясений и нестабильности мировой экономической системы как никогда востребованы рекомендации профессиональных экономистов, обладающих большим опытом, глубокими знаниями и широким кругозором.

Экономический обозреватель нашего журнала А. В. Лопухин побеседовал с Сергеем Николаевичем Сильвестровым, доктором экономических наук, профессором, директором Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, председателем редакционного совета журнала «Мир новой экономики».

— Сергей Николаевич, случайно или нет, но возглавляемый Вами Институт экономической политики и проблем экономической безопасности создан в Финансовом университете в конце прошлого года, когда был зафиксирован резкий обвал рубля. Это совпадение или одна из антикризисных мер?

— Это предчувствие и совпадение.

Ведь мы постоянно живем с чувством тревоги в ожидании кризиса после очередной реформы или кризиса вследствие реформы либо в приготовлении к одному из этих событий.

Это предчувствие, что устойчивому существованию открытого общества в глобальном мире неизбежно сопутствуют риски и угрозы, сопряженные с неопределенностью внешних изменений, постоянным обновлением и настройкой реакции внутренних институтов, недопониманием сложности современных вызовов и просчетами в политике. Естественно, забота об устойчивости и безопасности становится делом чрезвычайной важности.

Начало работы института в середине декабря случайно совпало с рукотворным кризисом, но не случайно подтвердило давно назревшую потребность в переориентации политики на развитие сбалансированной и диверсифицированной экономики.

Наряду с нашим институтом воссоздан Институт финансово-экономических исследований. Оба института продолжили традиции научно-исследовательского блока Финансового университета, для

которого, благодаря бюджетному финансированию, созданы благоприятные условия. Исследования проводятся по широкому кругу проблем, к решению которых привлекается также научный потенциал кафедр.

Наш институт состоит из пяти небольших центров: макроэкономических исследований, промышленной политики, международных экономических отношений, институтов развития инновационной экономики и проблем экономической безопасности и стратегического планирования. Центры не только проводят самостоятельные исследования. Они призваны организовывать мозговые штурмы, ситуационные анализы по актуальной тематике, а также представлять результаты во внешней среде и объединять широкую сеть экспертного сообщества по разным научным направлениям.

Создание нашего института отчасти помогает решить весьма существенную для развития университета задачу. Дело в том, что многие вопросы, связанные с реальным сектором экономики, и по сию пору остаются на периферии исследований и учебного процесса. Это актуальная проблематика экономической политики и институтов развития, социальной политики, социальной дифференциации и распределительных отношений, труда и занятости, институционального развития, структурной и промышленной политики. Институт может сыграть роль своеобразного интерфейса при проведении междисциплинарных исследований между традиционно сильным финансовым блоком

и проблемами, связанными с реальной экономикой и социальной сферой.

Существует много важных тем, которые мы надеемся собрать вокруг проблемы равновесного, безопасного и устойчивого развития экономики. Приведу только один пример. Появились новые интересные направления промышленного развития и их поддержки со стороны различных международных и национальных институтов развития.

Эта тенденция сейчас крайне актуальна. И институт начал сотрудничать с Внешэкономбанком и Федеральным центром проектного финансирования в разработке предложений по повышению инвестиционной активности инфраструктурных монополий на основе проектного финансирования. Здесь обширное поле для работы. Нет ни опыта, ни достаточной нормативной базы, ни ресурсов, ни реальной решимости, а это уникальный инвестиционный ресурс в условиях ограниченности остальных источников.

Соединяя финансы с реальной экономикой, институт пытается найти формы их непротиворечивого взаимодействия. Почему непротиворечивого? Да потому что финансовая сфера в мире в целом живет достаточно автономно и самодостаточно — так сложилось в последние десятилетия. И наша финансовая система (как часть, и не вполне самостоятельная) подчиняется ее правилам и решает задачи, которые нередко расходятся с требованиями развития реального сектора российской экономики. Свежим примером может служить спорная денежно-кредитная политика Центрального банка России. При этом более взвешенные меры по стабилизации принимает Министерство финансов РФ. Но, к сожалению, они не очень скоординированы в своих действиях.

— Иначе говоря, Вы отдаете приоритет междисциплинарным исследованиям. В теории они должны дать синергетический эффект?

— Да, они проводятся, и именно на междисциплинарные исследования мы возлагаем свои надежды. При этом хочу подчеркнуть, что мы занимаемся не столько фундаментальными, сколько прикладными исследованиями, причем совершенно неожиданными для Финансового университета.

Наши специалисты участвовали в подготовке проектов законов о стратегическом планировании, промышленной политике и государственно-частном партнерстве; корректировке Стратегии национальной безопасности; экспертизе по вопросам ЕвразЭС, участия в ВТО для Аппарата

Правительства, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), для Министерства иностранных дел и Делового совета.

Они вносили предложения для мониторинга состояния экономической безопасности, участвовали в модельном законодательстве в рамках Межпарламентской ассамблеи СНГ и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Проделана большая работа под эгидой ОЭСР по созданию на основе стандартов этой организации паспорта региона. Этот обзор сделан на примере Красноярского края совместно с французскими экспертами впервые в России.

Мы разработали транспортно-логистическую систему Юга России, в частности Ростовской области. Выиграли тендер, за год сделали работу, в основном усилиями молодых специалистов, и затем защищали полученные результаты перед администрацией и законодательным собранием Ростовской области. В итоге удалось внедрить стратегию транспортно-логистического развития ЮФО и Ростова как центра, поскольку он является геополитически и экономически связующим звеном между различными транспортными коридорами, которые, к сожалению, сейчас разорваны Украиной.

Другой пример: мы провели большое исследование многофункциональных центров в Москве для мэрии столицы, проанализировали деятельность десятков префектур, в частности оценили стоимость и количество времени на оказание услуг населению и бизнесу.

У нас уже появился опыт политической работы, когда наш институт выступил координатором по подготовке материалов к двум заседаниям Госсовета по межбюджетным отношениям. Здесь находился штаб, куда поступали сотни материалов из многих муниципалитетов и регионов, которые мы обрабатывали, а затем передавали наши рекомендации в экспертную группу и докладывали руководству субъектов Федерации.

Это лишь некоторые примеры исследований, которые далеки от чисто финансовой тематики, но дали реальные результаты и позволили получить экономический эффект.

— Кризисы, как и смена погоды, часто наступают неожиданно. Предвидело ли научное сообщество нынешнюю кризисную ситуацию? В конце ноября в Финуниверситете прошел международный финансово-экономический форум «Экономическая политика России в условиях глобальной турбулентности». Вы были

модератором дискуссии «Новая волна глобального экономического кризиса: ожидания или реальность», в которой участвовали ведущие авторитетные российские и зарубежные ученые и специалисты. К каким основным выводам пришли участники в ходе состоявшейся дискуссии?

— Основные выводы на этом форуме были весьма тревожными и разноречивыми. Многим непонятно, как будет развиваться мировая экономическая ситуация, да, пожалуй, и все мировое сообщество, которое выдающийся германский политический философ Ульрих Бек так точно назвал «обществом риска».

Очень остро выступали наши зарубежные коллеги, особенно ярким были высказывания экс-министра финансов Польши Гжегожа Колодко. Глобальный экономический порядок он назвал хаосом, в довольно пессимистических красках описал будущность расколотого мира, покритиковал Россию, но завершил выступление вполне доброжелательными рекомендациями по преодолению кризиса.

На форуме возобладали философические позиции в оценке происходящего: сейчас мир переживает тяжелый переход, события, в чем-то внешне подобные Новому времени и Эпохе Просвещения. Вестфальский мир создал европоцентричное мироустройство и вкупе с другими событиями XVII–XVIII вв. способствовал созданию централизованных национальных государств.

Изменения охватили традиционные институты, обычаи, идеологию, социальное устройство. Институт королевской власти позволил отобрать и сконцентрировать абсолютную власть в руках суверенного государя, лишив ее всех, кого сюзерен сделал своими вассалами. Процессы эти происходили болезненно и противоречиво, сопровождались революциями и войнами.

Первая мировая война — та условная историческая грань, когда государственный суверенитет начинает подвергаться сознательно направляемой эрозии. В первую очередь стал снижаться экономический суверенитет. Открывались экономические границы, и средством разрушения этих границ служила либеральная идеология, которая уже сейчас в финансовой сфере привела к снятию большей части ограничений. Созданы и направлены работают международные институты трансформации, перераспределяя различные элементы государственного суверенитета в пользу наднациональных и глобальных регуляторов.

Постепенно просматриваются контуры новой субъектности мироустройства. В нем государство останется, но только одним из действующих лиц, при этом не всегда равноправным. Но поскольку среди равных всегда есть более равные, перспективы будут определять обладающие устойчивой системой ценностей и собственной идеологией, наиболее экономически и политически сильные государства и конгломераты государств.

Как и при переходе от феодализма к капитализму, начался процесс, который в перспективе приведет к длительному периоду поиска новых форм взаимодействия различных акторов международных отношений. И пока неизвестно, в каких формах это будет проходить и что из этого получится.

Гипотетически можно предположить, что в обозримом времени это будет экономическое и политическое взаимодействие сетевых сообществ (государств, корпораций, гражданских организаций) в зависимости от комбинации интересов и преимущественно в конфликтогенных формах. Похоже, что часть глобальной элиты склонна к форме перманентной войны, поскольку абсолютная власть требует абсолютного подчинения.

Понятно, что есть тревожность, вызванная начавшимся турбулентным движением, и мы на нашем форуме пришли к очень важному выводу: главное, на что сейчас надо сделать упор, — это поиск новой регулятивной парадигмы. Она позволит вписать в систему взаимоотношений игроков разного уровня, ориентаций, интересов и ценностей на основе определенных стандартов, правил, регулирующих норм и технологий, которые будут одобряться на основе консенсуса или по принуждению.

Посмотрите, как работает «Большая двадцатка» (G20). Группа возникла в 2008 г. в качестве неформального органа, взявшего на себя необычайные полномочия, сравнимые с ООН. Она пытается упорядочить этот процесс, установить некие рамки и придать ему некоторое направление развития. Более того, в рамках деятельности группы создаются организации без межгосударственных соглашений, на первый взгляд слаболегитимные. Однако при этом они принимают на себя прерогативы выработки правил поведения для все еще суверенных юрисдикций.

Отдельный вопрос о том, в чьих интересах и куда направлено развитие. Другими словами, кто сюзерен и кто станет вассалом. Так это сегодня видится из анализа турбулентности мировой экономики и политики. И из этого вытекает повестка работы

над российской экономической политикой, которая должна определить статус государства в происходящих изменениях и безопасный формат своего участия в трансформации мироустройства.

— **На Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе, проходившем, как всегда последние 45 лет, в конце января, явно ощущалась озабоченность надвигающимся кризисом. Мировые лидеры, авторитетные ученые и эксперты, представители бизнес-сообщества в разных форматах обсуждали глобальные экономические проблемы и геополитические риски на фоне обвала цен на нефть и ситуации на Украине.**

Как Вы оцениваете итоги ВЭФ? Можете ли прокомментировать основные выводы, которые были на нем сделаны? Смогла мировая политическая, интеллектуальная и бизнес-элита предложить рекомендации по преодолению кризисных тенденций или они ограничились анализом ситуации и выражением озабоченности по поводу основных угроз для мировой экономической стабильности?

— В Давосе шли дискуссии в рамках главной темы форума «Новый глобальный контекст». Попутно замечу, что в теме форума просматривается, по сути, аккуратная замена «нового мирового порядка» на глобальный контекст.

Впервые так откровенно и прямо сказано, что мир стал крайне хрупким, трудно прогнозируемым и крайне неопределенным. Но меня больше всего заинтересовала в выводах ВЭФ любопытная мысль о том, что мир переходит от привычной кооперации на основе ценностей к взаимодействию на основе интересов. Это только подтверждает, что наш форум — выражение более общей озабоченности будущим.

Это порождает интересный вывод, и он есть в работах многих западных авторов, например в трудах Жака Аттали, и реже встречается в высказываниях наших экономистов, — относительно создания сетевых систем, в которых государство занимает подчиненное, равное или пониженное положение. На арену начинают, повторяюсь, активно выходить самые разнообразные негосударственные, корпоративные и международные институты нового толка.

Они формируются не на межгосударственной основе, которая всегда зиждется на определенной политике и идеологии. Государственное взаимодействие без ценностной основы невозможно себе представить. В новой же реальности возникает очень пестрая абстрактная картина, когда сложно

и иногда невозможно представить, каким образом будут комбинироваться все эти интересы, кем и как выбираются из них главенствующие.

Не знаю, насколько разумные предложения может сделать бизнес-элита, но что от нее требуется точно, так это в общем виде сформулировать и профинансировать заказ на поиск решений, мониторинг и корректировку их последствий.

Подобный ход происходящих и грядущих событий требует совершенно иных подходов к отбору, организации и качеству научных исследований. Междисциплинарность очевидна, но как ее достичь?

Необходимо культивировать высокопрофессиональную специализацию в сочетании с пониманием глобального контекста. Получение интеллектуального результата предполагает также активное и открытое общение между различными научными корпорациями, организацию игровых ситуаций с участием практиков и лиц, вырабатывающих управленческие решения.

Все же сугубо научных традиционных подходов недостаточно для выработки позиций и политики в рамках глобального контекста. Слишком высокая скорость социальных изменений, и все заметнее спрессовывается историческое время. Недавно я пришел к мысли, что вся нынешняя ситуация способствует возрастанию роли разведывательных сообществ. И прежде всего в их информационно-аналитической части.

Приведу пример. В США события 11 сентября 2001 г. привели к перестройке американского разведывательного сообщества, концентрации более десятка отдельных подразделений под единым управлением и на новых задачах. Прошло почти 15 лет. Новой реформе разведывательного сообщества посвящена статья Джейн Харман — бывшего члена Комитета по делам разведки Палаты представителей, президента Международного исследовательского центра Вудро Вильсона, опубликованная в этом году в мартовском номере журнала *Foreign Affairs*. При внимательном прочтении становится понятно, что американцы не намерены только «анализировать ситуацию». Они готовятся конструировать и направлять развитие «нового глобального контекста». Подчеркну, что специальными сферами воздействия являются экономика и особенно финансы.

Все это нарушает некоторые все еще существующие у нас мифологемы относительно глобального контекста, в котором мы должны определить параметры своего участия.

Приведу пример. У нас огромное количество исследований, на основе которых делаются политические выводы о том, что прямые инвестиции, капиталы, технологии в результате аутсорсинга перемещаются в те места, где меньше транзакционные издержки, — будь то Мексика или Китай. Эти процессы имеют место, но не они доминируют. Факты говорят о совершенно противоположных тенденциях.

На самом деле идет взаимодействие равных. Об этом подробнее я еще скажу и проиллюстрирую на цифрах. Но прежде поясню, что этот процесс так же неточно толкуют как «регионализация vs глобализация». Но здесь проявляются вовсе не пространственные характеристики, а качественные черты глобализации. Ведь глобализация, по сути, — это унификация, которая проявляется в том, что вводятся новые стандарты поведения. И если какой-либо регион опережает другие в унификации и сближении норм поведения, то он только демонстрирует новое направление и углубление глобализации, все более преодолевая, тем самым, ограничения суверенитета.

И это понятно: когда действует множество сетевых игроков, возникает вопрос: как весь этот хаос и турбулентность загнать в упорядоченное пространство, в какой-нибудь очередной социальный циклотрон или синхрофазотрон. Ответ: только с помощью стандартов, которые принимают взаимодействующие стороны.

В прошлом году на международном уровне принят ряд важных решений, которые у нас остались незамеченными, поскольку внимание было отвлечено кризисом, санкциями и т. д. Например, в Швейцарии под эгидой Совета по финансовой стабильности (FSB) на основе гражданского кодекса создана некоммерческая организация *GLEIF* (*Global Legal Entity Identification Foundation*). Во избежание возможных рисков дестабилизации финансовой системы она должна заниматься глобальным мониторингом и идентификацией юридических лиц, осуществляющих финансовые транзакции в международном масштабе. *GLEIF* является, пусть и важной, но только частью, инструментом целостной системы (*Global Legal Entity Identification System, GLEIS*) контроля и мониторинга с региональными и страновыми представительствами.

В поле зрения этой организации, имеющей организацию-предшественницу *Legal Entity Identifier (LEI)*, созданную в США, попадают 80% международных транзакционных сделок в 17 валютах.

Наши специалисты по международному праву с опозданием узнали, что фактически незамеченно возник еще один — четвертый институт глобального управления.

Деятельность этих организаций подкрепляется опережающим принятием модельных американских решений. Например, в США принят малоизвестный у нас закон Додда–Франка объемом две тысячи страниц. Фактически его принятие Соединенными Штатами запустило механизмы, по поводу которых на международном уровне ведутся переговоры и постепенно конструируются институциональные аналоги. Россия является полноправным участником переговоров и представлена Министерством финансов и Центральным банком.

Центральный банк, Министерство финансов подписывают международные документы, в которых много положительного и нужного. Но встает вопрос: каким образом, приняв эти акты и имплементируя их в наше внутреннее законодательство, мы будем в состоянии сохранять собственную стабильность и финансовую безопасность?

Необходимы экспертные и аналитические фильтры, позволяющие вынести соответствующую оценку последствиям принятия или непринятия международных регулятивных норм.

Отстраниться от участия в этих процессах выстраивания нового глобального контекста невозможно, но и принимать без активного соучастия нельзя. Нам просто скажут: мы не вводим санкции, но готовы ли вы работать по новым правилам? Мы отвечаем: «Нет, не готовы» (мотивы могут быть различными и вполне основательными). Но вслед за этим нам ответят: «Извините, вы неконкурентоспособны, ваши финансовые институты не соответствуют принятым нормам».

Нужны активная позиция и собственная стратегия участия в подобных процессах с ясным пониманием собственных интересов и возможностей. Как раз с этим у нас есть проблемы и, что особенно важно, нет прозрачности в принятии решений.

Еще один аспект «глобального контекста». Развитые страны, на самом деле, ищут способы преодоления недостатков и ошибок кризисного регулирования на прежнем этапе мирового кризиса. Предлагается перейти от модели, при которой убытки финансово-банковских структур оплачиваются налогоплательщиками, подрывая бюджетную сбалансированность (*bail out*), к модели компенсации потерь за счет их вкладчиков и акционеров (*bail in*).

Нечто похожее уже испытано на испанском банке *Bankia* и на банках Кипра.

Другой путь — усиление контроля за налогоплательщиками и движением капиталов через офшорные юрисдикции. По нему пошли США, вовлекая своих партнеров и участников глобальной игры. И США в решении этой задачи снова в лидерах. Если вы находитесь не в серой или белой зоне, которая контролируется созданной «семеркой», Группой по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и принятыми нормативными актами о налогообложении иностранных счетов налоговых резидентов США (*Foreign Account Compliance Act, FATCA*), вы фактически оказываетесь аутсайдерами в международных финансовых транзакциях.

Так, американцы отказались подписать соглашение с Российской Федерацией о сотрудничестве по соблюдению требований последнего из упомянутых актов. Оно создало бы рамочные условия для деятельности структур, аффилированных с российскими юридами, и их регистрации в Управлении внутреннего налогообложения США (*IRS*) в качестве внутренних налоговых резидентов.

Финансовые и нефинансовые организации в нашей стране, работая с валютами, осуществляют международные транзакции через офшорные компании и банки, работающие по американскому законодательству или являющиеся американскими резидентами. И по закону, и по нормативным правилам Центробанка российские банки регистрируются в Управлении внутреннего налогообложения США как юридические лица. Сейчас около 800 российских банков, в том числе государственных, зарегистрировались как внутренние налогоплательщики в Соединенных Штатах. На мой взгляд, мы оказались не подготовлены к такому решительному изменению ситуации в финансовых расчетах.

И вновь возникает вопрос: должны ли мы тревожиться из-за санкций или из-за того, что не являемся самостоятельными и активными соучастниками и разработчиками некой нормативной базы новой формирующейся системы взаимоотношений, где мы отстаиваем собственные интересы?

Для этого мы должны знать свои интересы, понимать, к чему они ведут, и консолидированно их реализовывать в предлагаемых нами документах при международных переговорах. Это огромная по сложности задача, которая совершенно по-другому должна осознаться и восприниматься нашей элитой и меритократией, чтобы ответить на вызовы

глобального развития и вписаться в «новый глобальный контекст».

— **Каких, на Ваш взгляд, геополитических изменений можно ожидать в обозримом будущем?**

— Простого ответа на этот вопрос нет. Можно отметить только некоторые возможные тенденции.

Демографическая ситуация, миграционные потоки, перераспределение экономической мощи, ослабление государственного суверенитета, углубление глобализации неизбежно ведут к масштабным геополитическим сдвигам, появлению новых по содержанию и своим функциям стратегических альянсов и институтов международного регулирования.

Посмотрим для начала на статистику. Она не только разрушает некоторые иллюзии и мифы, но и еще раз подтверждает стремление кооперироваться равных с равными, укреплять их позиции.

Посмотрим, куда текут прямые инвестиции из США: они вложили в 14 раз больше в Нидерланды, нежели в страны БРИКС, и в 4 раза больше, чем во всю Азию. В разные годы практически 55–60% американских прямых инвестиций идут в Европу, а 70% инвестиций — из Европы в США. Для сравнения: Россия имеет меньше американских прямых инвестиций, чем Норвегия или Дания, каждая в отдельности.

Если взять распределение собственности на активы, то практически более половины с той и с другой стороны приходится на взаимные отношения. Более половины зарубежных филиалов американских компаний находятся в Европе и наоборот, что обеспечивает занятость почти для 30 млн человек в США и Европе.

Теперь становится понятным, почему США и Германия, лидеры Старого и Нового Света, второй год ведут переговоры о трансатлантическом партнерстве в области торговли и инвестиций. Этот процесс очень сложный, существует масса противоречий, например в вопросе применения ГМО, но они в основном секторальные, тогда как в целом ряде принципиальных вопросов уже есть консенсус.

Как бы мы ни говорили, что партнерство не состоится, многочисленные для этого поводы и протесты не могут отменить уже сложившуюся годами интеграцию между США и Евросоюзом (ЕС), на долю которых приходится половина мирового ВВП и треть глобального товарооборота. И они стремятся сохранить свой лидерский потенциал.

Важный шаг в преодолении сопротивления этому партнерству сделан в 2013 г., когда Европейский Союз и Канада подписали соглашение о всеобъемлющей зоне свободной торговли. Соглашение сделало их рынки практически открытыми друг для друга.

Сразу стало ясно, что сетевые взаимодействия на таком уровне очень сложные и не всегда предсказуемые. Так, одна из европейских фирм предъявила претензии к канадской провинции Квебек, идет сутяжничество на асимметричном прежде уровне, т. е. судится не корпорация с корпорацией, как это обычно бывает. Возникает совершенно новая, ранее невозможная ситуация, когда судится частная компания с государством.

Тем не менее создание зоны свободной торговли ЕС–Канада стало своего рода пробным камнем для переговоров между США и Евросоюзом, которые могут прийти к соглашению уже к концу этого года. В случае положительного исхода переговоров еще примерно полтора года уйдет на его одобрение правительствами и парламентами стран США и ЕС.

Понятно также, почему Б. Обама выступает с инициативой двух колец — транстихоокеанского и трансатлантического. Это серьезный геополитический вызов с экономической подоплекой для многих стран, в том числе и для России, помимо всяких санкций.

Зажатая между двумя кольцами, где есть свои лидеры, которые формируют повестку дня, Россия, если не активизирует свою восточную политику, будет вынуждена взаимодействовать на чужих условиях.

Геополитические последствия имеет даже (и, может быть, прежде всего) изменение в структуре источников энергии. Новые технологии добычи сланцевого газа резко изменили тональность высказываний многих политиков и экспертов. Преодоление зависимости от импорта энергоносителей — один из приоритетов первого президентского срока Б. Обамы. Этим было подчеркнуто, насколько экономические вопросы определяют политическую повестку ведущих стран. США удалось добиться успехов. Только за десять лет, с 2000 г., доля сланцевого газа в добыче газа в США поднялась с 1 до 20% и продолжает расти.

Множатся высказывания политиков и специальные публикации, в которых сланцевый газ рассматривается с геополитических позиций, как инструмент противостояния России в Европе. Особая роль в этом противостоянии отводится Польше и Украине, которые, по оценке специалистов, занимают

первое и третье места по запасам сланцевого газа. Уже сейчас Газпром был вынужден серьезно снизить цены на газ, поставляемый в Европу. Положение станет еще более сложным, если удастся заключить соглашение об углубленной зоне свободной торговли между ЕС и Украиной.

Сейчас пока не ясно, кто с кем и против кого будет дружить. Поэтому взаимодействие в рамках БРИКС, а также с Ираном, Ближним Востоком и с другими странами становится для нас принципиально важным, и особенно это касается продвижения евразийской интеграции.

Благодаря своему географическому положению, Россия может стать связующим звеном между двумя кольцами и избежать геополитического одиночества.

— Несколько лет назад в Европе вслед за США начали активно обсуждать политику реиндустриализации для восстановления экономики. В Евросоюзе не только хотят повернуть вспять тенденцию свертывания промышленности, но планируют увеличить к 2020 г. с сегодняшних 16 до 20% долю промышленных предприятий в созданном на территории ЕС валовом национальном продукте (ВНП). В статье «Европа: реиндустриализация vs деиндустриализация», опубликованной в журнале «МЭиМО» доктором экономических наук Б. Е. Зарицким, работающим на возглавляемой Вами кафедре «Мировая экономика и международный бизнес», подробно анализируется эта проблема (http://ecsn.ru/files/pdf/201408/201408_169.pdf). Насколько реалистичны эти намерения, учитывая промышленный, научный и культурный потенциал Европы и важность этой проблемы для России?

— Да, статья глубокая и интересная, я познакомился с ней еще до публикации и мы ее обсуждали с автором. Советую всем ее прочитать.

Надо сказать, что обсуждение темы реиндустриализации широко развернулось в Европе после острой фазы кризиса 2008–2009 гг. Резко затормозился экономический рост, сократились бюджетные доходы, упала занятость, европейские страны опутала сеть долговых обязательств. Начался лихорадочный поиск выхода из стагнации. К этому подталкивает и социальное недовольство. Общий уровень безработицы по Европе превысил 11%, а в странах Южной Европы превышает 20%. Причем наиболее высокий уровень безработицы не один год сохраняется среди молодежи и женщин.

Официально озабоченность перспективами развития реальной экономики проявилась осенью 2012 г. в опубликованном документе Европейской комиссии. В нем было отмечено, что доля промышленности в ВВП Европы упала в период кризиса ниже 15%. Там же поставлена задача увеличить эту долю с нынешних 16 до 20% к 2020 г.

Эйфория от аутсорсинга прошла. Все чаще обсуждается инсорсинг и то, какие условия для него следует создать в Европе. Пока этот процесс в самом начале.

Впрочем, справедливости ради следует сказать, что страны находятся в разном положении. У одних, как у Германии, Австрии, Чехии и Скандинавских стран, доля промышленности в ВВП составляет 20–25%. Средние показатели — у Италии и Испании. Совсем низкие — около 10% у Великобритании и Франции. И реиндустриализация, возможно, будет проходить по-разному.

В целом понятно, что рост стоимости рабочей силы в развивающихся экономиках, транзакционные издержки, конкуренция за качество при взвешенной оценке плюсов и минусов аутсорсинга все чаще подталкивают компании к размещению производств ближе к собственной исследовательской базе и квалифицированной рабочей силе.

В одних странах, увлекшихся аутсорсингом, при благоприятных экономических условиях произойдет частичный возврат производств. В других начнется переход на более высокий уклад и диверсификацию промышленных производств. В третьих речь идет о восстановлении промышленности в каком-то виде и включении в кооперационные связи с более развитыми партнерами на их условиях.

Вместе с тем промышленность каждой из стран будет все плотнее вписываться в секторальные цепочки воспроизводства добавленной стоимости и систему производственной кооперации.

Это уже такая система взаимоотношений, когда рассматривать отдельные национальные экономики по степени развития промышленности вне общего рынка и общей экономики Европейского Союза было бы информативно, но не вполне корректно. Традиционный подход в этом случае дает немного, только позволяет оценить экономическую политику отдельного правительства и стратегию отдельных корпораций, которые сами принадлежат более общему экономическому пространству Европы.

Надо смотреть под другим углом зрения: насколько промышленность Европы внутренне сбалансирована и интегрирована, способна осваивать новые

технологии и знания, обеспечивать качество и конкурентоспособность на международных рынках. Общее для Европы в оценке перспектив реиндустриализации — стремление сохранить и развить лидерство в технологиях и инновациях. Впрочем, это консолидированная позиция развитых стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

Достаточно ясно ее артикулировал в разгар кризиса и пессимистических настроений Роберт Рубин, бывший министр финансов США. Председательствуя в Базеле на очередной встрече руководителей центральных банков ведущих стран, он особо подчеркнул общее видение будущего посткризисного мира: развитые западные страны всегда лидировали в формировании перспектив развития и впредь останутся лидерами, как бы они ни отставали в индустриализации, экономическом росте или в освоении ресурсов. Они по-прежнему, безусловно, доминируют интеллектуально и с точки зрения понимания своего будущего и целеустремленности готовы найти ответы на новые вызовы и риски.

Таким образом, в промышленности поддерживается некий инновационный тонус, который выражается в том, что Европа стремится оставаться лидером прежде всего в интеллектуальной сфере.

В Германии смотрят на свою будущую промышленность с позиций, которые позволят обладать универсальными моделями, оформленными в цифровом виде. Так, если вы захотите произвести платформу какого-то автомобиля, то придется обращаться к немцам. Другое направление дальнейшего развития гибкого автоматизированного производства — это уже крупные производства и технологии, которые базируются на интеллекте. Это направление в комбинации с более общим процессом цифризации производственно-технологических процессов приведет к глубоким структурным сдвигам в экономике, занятости, образовании и управлении.

Особое место в реиндустриализации занимают страны Центральной и Восточной Европы. Все они прошли через деиндустриализацию, потеряв значительную или большую часть промышленности. Некоторые трудно назвать государствами с национальной экономикой, и постепенно они превращаются в территорию с теряющим идентичность населением.

Думаю, такая же перспектива ожидает Украину и Молдавию, если состоится их сближение в рамках ассоциации с Евросоюзом.

Хочу обратить внимание на тот факт, что деиндустриализация почему-то не затронула военно-промышленный комплекс (ВПК) Европы. Любопытно, что во время кризиса 2008–2009 гг. и после него европейский ВПК развивается высокими темпами.

В Европе происходит еще один процесс — китайский аутсорсинг. Китайский капитал внедряется через экспорт вторичных технологий. Например, в Венгрии известная компания «Видеотон» производит китайскую домашнюю технику, аудио- и видеоаппаратуру, но использует руки восточноевропейских специалистов и рабочих. Не секрет, что в Италии некоторые традиционные промыслы и отрасли промышленности практически перешли под контроль китайцев.

— Тема кризиса сегодня — самая обсуждаемая и актуальная в научном и экспертном сообществе. По мнению многих экономистов, нынешний кризис отличается от кризиса 2008–2009 гг. по масштабам и длительности. Какова Ваша оценка сегодняшнего кризиса и антикризисной программы Правительства?

— Обсуждать проблему кризиса следует исключительно в глобальном контексте. Прежде всего потому, что российская экономика открыта опасно. Так сложилось, что степень ее открытости в 2,5–3 раза выше по сравнению с общемировым уровнем внешних факторов в формировании ВВП. Это 16–20%.

Экономическая политика и экономическое поведение должны быть иными, если мы видим нашу страну в будущем. Реакция на санкции и развитие импортозамещения, безусловно, задачи крайне важные. Однако они не цель, а следствие недальновидной политики, не учитывающей весь комплекс равнозначных вызовов для нашей чрезмерно открытой экономики. И это сейчас является главным политическим вопросом, которым в принципе должна заниматься власть на всех уровнях.

Еще один чрезвычайно важный сюжет, который должен при этом учитываться, — кризисогенность мирового экономического развития, она и есть основа турбулентности. Это показывают многочисленные исследования. Согласно одному из них, проведенному МВФ, только за четверть века в почти сотне стран зафиксированы более 400 ценовых, банковских, кредитных и валютных кризисов, в 48 случаях совпали два кризиса, в 10 — три. Каждый эпизод совпадающих локальных кризисов сопровождался рецессиями. Замечено, что частота кризисов

нарастает, выходы из них обходятся все дороже и с каждым разом длительнее.

Нынешний кризис — это в значительной мере результат не предвидения или нежелания видения отдаленной перспективы, когда предпринимаются исключительно тактические действия по принципу «импульс–реакция». У нас же каждое ведомство и министерство добросовестно выполняют свою работу, они действуют разрозненно. Общей стратегии действий, основанной на видении хотя бы среднесрочного будущего, не просматривается. Концепция социально-экономического развития до 2020 г. неактуальна во многих частях и разошлась с реальностью, корректировка же не удалась.

Переход к плавающему валютному курсу, таргетирование инфляции в нынешнем виде, затухание инвестиционного процесса в отсутствие стратегии развития дестабилизировали высокомонополизированную открытую экономику.

Отдельные локальные действия могут быть очень интересными и правильными, но обратите внимание: стратегические крупные вопросы остаются нерешенными, а общая картина развития — смутной.

Показательный пример — многочисленные заявления о переходе к экономике на основе инновационного развития. С начала нулевых годов мы говорим о необходимости перехода к инновационной модели развития.

Вскоре, однако, все устали от слова «инновационный», затерли его, стали стесняться использовать. Произошло это от того, что ни одна стратегия, ни одна программа (сначала до 2010 г., затем — до 2015 г.) по созданию, например, инновационной инфраструктуры, национальной инновационной системы, по научно-техническому развитию практически не доведена до конца.

При этом я не могу сказать, что все плохо. Мы иногда торопимся с выводами. Если говорить образно, то переход телеги из одной колеи в другую требует не только решительного сильного действия, но и подготовки другой колеи.

В эмбриональной форме у нас есть институты развития инновационной экономики, которые действительно созданы. Но они практически блокируются инерцией прежней модели финансовой стабилизации, на которую преимущественно сориентирована экономическая политика. Кроме того, как я понимаю, у власти есть боязнь неопределенности, которая может возникнуть в период перехода к иной модели развития.

Хватит ли сил удерживать экономику на весу? Этот момент очень опасный, требует согласованного стратегического маневра, одновременного решения равновеликих по значимости вопросов.

Кроме того, должна быть определенная мобилизация ручного управления. Но не такого, как сейчас: следуем за событиями, бросаем ресурсы туда, где возникает критическая ситуация. Нет, это ручное управление с точным пониманием — какие стратегические результаты мы хотим получить, а не реакция на случившееся. Я бы назвал это так: ручное управление формированием будущего. Для этого также нужны команда, видение будущего и стратегическое целеполагание.

Такой подход много обсуждался еще в конце 1990-х годов. В качестве возражения или сомнения часто говорили: «Да, налоговую систему и межбюджетные отношения надо менять, но что произойдет с бюджетом, как страна переживет этот финансовый год?». Понятно, что переходить из одной колеи в другую лучше, когда накоплены ресурсы, есть подушка безопасности. Подушка безопасности, и не одна, появилась, а переход не произошел.

Антикризисная программа 2008 г. у меня не вызвала никакого отторжения. Если посмотреть список антикризисных мер, предпринятых незадолго в развитых странах, то мы увидим, что они тогда были реализованы в России и достаточно оперативно. В отличие от 2008–2009 гг., нынешняя программа запаздывает, она непрозрачна и невнятна. Предпринимаемые действия с большими допусками можно отнести к кризисному управлению.

— **Наверное, Вы лучше многих знаете, что научная полемика о необходимости разработки нового подхода к решению социально-экономических проблем и формированию новой геостратегической и макроэкономической политики ведется среди экономистов — исследователей и практиков не один год. Какие есть основания полагать, что реальное движение к новой модели развития страны все же начнется?**

— В июне 2014 г. принят Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Это серьезный позитивный шаг, хотя закон пока бумажный и нужно еще очень много сделать, чтобы он заработал.

На мой взгляд, необходимо наладить индикативное планирование с четким пониманием экономических и социальных задач. Так было во многих странах, а французы до сих пор это делают. Конечно, очень трудно удержаться на уровне индикативности

и не скатиться к директивности и обязательности, но это решаемая задача.

Если этого не сделать, может получиться другой крен. Например, при корректировке «Стратегии 2020» возникло довольно опасное предложение о создании ведомства по контролю над оценкой регулирующего воздействия (ОРВ) во главе с полномочным вице-премьером, хотя на это мало кто обратил внимание. Конечно, я за то, чтобы ОРВ внедрялась, дабы отслеживать, где слишком много надзора, мониторинга и контроля. Прежде всего это относится к малому и среднему бизнесу, который абсолютно задушен, независимо от всех слов, которые произносятся в его поддержку.

Но создание такого органа, который будет определять, что рыночное, а что нет, отменять соответствующие нормативные акты, давать рекомендации законодательным органам, — это не что иное как переход к деспотизму корпораций и бюрократии и ничего общего с рынком и разумным либерализмом не имеет.

Таким образом, от индикативного планирования можно перейти к запуску цикла планирования стратегического, под который должны подвешиваться и увязываться по срокам и ресурсам все корпоративные, региональные и ведомственные программы. Цикл должен начинаться со стратегической директивы, которая определяет основные направления развития и утверждается Президентом страны.

Сейчас этого не происходит, есть сотни документов — концепции, стратегии, инвестиционные программы, которые не увязаны в основной социально-экономической стратегии развития страны. Поэтому у нас ничего получается, задача перехода к новой модели экономики не решается и не может быть решена в этих обстоятельствах.

— **Проблема устойчивости и надежности национальной финансовой системы в условиях санкций и экономического кризиса встала со всей остротой. Многие ученые, эксперты и предприниматели, оценивая действия нынешнего руководства ЦБ, считают, что борьба с инфляцией с помощью поднятия ключевой ставки привела к ее разгону, а в условиях отсутствия высококонкурентного рынка и наличия государственных и олигархических монополий все возникающие экономические трудности просто переложили на население через повышение цен.**

Складывается впечатление, что эксперты в первую очередь обсуждают ключевую процентную ставку ЦБ, а вопрос о денежной массе остается в тени, хотя ее объем, как показывает статистика, напрямую связан с экономическим ростом или его отсутствием.

— Не скажу за всех экспертов, но эта проблема постоянно звучит в выступлениях моих коллег, с которыми мы единодушны в оценке ситуации. Совсем недавно на секции по экономическим и социальным вопросам Научного совета при Совете безопасности РФ обсуждались вопросы денежно-кредитной политики, и там это проблема также прозвучала.

Центральный банк воздействует только на краткосрочные сегменты денежного рынка. Денежно-кредитная политика создает дополнительные шоки: нехватку ликвидности и нестабильность динамики валютного курса, а проводимый вариант монетарной политики недооценивает побочные эффекты. Можно, конечно, добиться временного равновесия валютного курса (вопрос: где будет точка равновесия?) и при этом дестабилизировать экономику и вызвать долгосрочные диспропорции в ее структуре.

Напомню, что с 2003 по 2007 г. был устойчивый рост денежной базы и денежной массы М2 ежегодно на 5–6%, и это были годы роста ВВП. В 2010 г. объем денежной массы вырос на 25,4%. Есть четкая корреляция: как только идет сжатие денежной базы и массы, тут же сокращается ВВП.

Сейчас мы имеем дефицит денег для воспроизводства основного капитала, для инвестиционного процесса. Такой вывод выглядит странно, денег в стране достаточно: только разница между уровнем сбережения и накопления составляет до 1,7 трлн рублей. Деньги есть у населения, у банков, у различных фондов, но они либо заморожены в резервах, либо отсечены высокими процентными ставками при низкой рентабельности реального сектора.

Монетизация российской экономики (отношение денежной массы М2 к ВВП) в прошлом году снизилась до 42–43%. Она в два-три раза ниже, чем в развитых странах, и в четыре-пять ниже, чем в Китае.

Почему возобновилось сжатие денежной массы? Монетизация у нас в основном обеспечивается поступлением валюты. Приток ее с резким падением цен на нефть сократился, и появился риск, что не будет положительного платежного баланса, и это повлечет за собой сокращение резервов и резервных фондов.

Кстати, в прогнозе под бюджет 2014 г. и на период до 2016 г. в одном из вариантов предполагалось, что в 2015–2016 гг. будет отрицательный платежный баланс с минусом 12–15 млрд рублей. Этого, к счастью, не произошло, что говорит о степени достоверности наших прогнозов.

Возникает вопрос: у нас суверенный Центральный банк? Формально суверенный. Если это так, то он имеет право на собственную денежную эмиссию. Это одно из проявлений экономического суверенитета государства.

Не очень понятно, почему ЦБ сейчас говорит о проблемах заимствования на внутреннем рынке, о консолидации бюджета и сокращении расходов, когда у него есть инструмент, в том числе возможной кредитной эмиссии под определенные проекты. Возражение только одно — непременный разгон инфляции.

Поэтому вывод очевиден: сжатие денежной массы стало одним из главных драйверов нынешнего кризиса. Денежной массы не хватает для обеспечения экономического оборота. Они стоят дорого, поэтому остановилось кредитование экономики.

Что касается резкого повышения ключевой ставки ЦБ в декабре прошлого года, причины разные и они понятны. С ними можно соглашаться или нет, но совершенно очевидно, что такое действие идет вразрез с мировой практикой кризисного регулирования и имеет многочисленные негативные последствия. Более того, на мой взгляд, повышение ставки спровоцировало дополнительный отток капитала.

Конечно, вопрос о денежной массе принципиально важен. Никакого движения вперед не будет, если ее объем существенно не увеличится.

При этом сжатие денежной массы, проводимое ЦБ, вопреки убеждениям его руководства не сдерживает инфляцию, которая в два с лишним раза превысила запланированный показатель.

Посмотрите на политику «количественного смягчения», которую давно проводят США, а теперь и Евросоюз, насыщая экономику сотнями миллионов долларов и евро. Тем самым они таргетируют инфляцию и поддерживают агрегированный спрос.

У нас спрос населения падает, государственный спрос ограничили мы сами, кредитная задолженность растет, у банков не хватает ликвидности, поэтому возникает вопрос: что ЦБ собирается делать дальше?

Падение агрегированного спроса продолжится и будет стагфляция, которая хуже, чем просто спад или отсутствие роста ВВП. Парадоксально, но у нас

растет инфляция, хотя по всем правилам должна быть дефляция. Впрочем, я бы не исключал такой возможности.

Что делают Соединенные Штаты? Существуют две болезни развитого мира, которых там боятся больше, чем чумы или холеры, — это инфляция и дефляция. Инфляция пугает Европу, а дефляция страшит Америку.

Бен Бернанке, который до февраля 2014 г. 8 лет возглавлял Федеральную резервную систему США, неоднократно писал в своих академических работах, что инфляция 1–3% должна быть обязательно, и несколько лет проводил политику количественного смягчения, накачивая экономику деньгами, что стимулировало умеренную инфляцию и вынос в другие страны.

Это выгодно и для Европы, которая также перекидывает большую инфляцию на периферийные страны, сохраняет у себя небольшую инфляцию, тем самым стимулирует экономический рост и дополнительно рефинансирует бюджетный дефицит.

Мы же почему-то не проводим нормальное таргетирование инфляции вопреки объявленным целям денежно-кредитной политики и отказываемся от эмиссии, которая могла бы рефинансировать дефицит нашего бюджета.

Проще говоря, существуют разные инструменты, которые позволяют более тонко и эффективно настраивать финансовую систему страны. Повторю, что именно она самая открытая в нашей экономике, вследствие чего мы являемся частью мировой системы, которая работает как определенный инструмент глобального регулирования. Видимо, у нас пока недостаточно знаний такого инструментария, который позволил бы наладить наши финансы.

— Несколько лет назад, работая в Совете Федерации, Вы как ученый и практик занимались проблемой бюджетного федерализма. Академик Е. М. Примаков, выступая в январе этого года на заседании «Меркурий-клуба», подчеркнул, что решение этой проблемы придаст дополнительные стимулы для развития российских регионов. Как Вам видится эта проблема сейчас, и какие можно предложить механизмы и формы для ее решения?

— Экономические основы отношений центра и регионов являются важнейшим компонентом государственного устройства любого федеративного государства. Они требуют постоянного внимания и могут изменяться в зависимости от экономической ситуации и политических циклов. Опыт таких

федеративных государств, как Канада, Бразилия и ФРГ, подтверждает необходимость периодической оптимизации распределяемых полномочий и их финансового обеспечения.

Что касается взаимоотношений российских регионов с центром, то следует больше внимания уделять этому направлению государственного строительства, весьма еще далекому от завершения. Несовершенство федеративных отношений наиболее ощутимо проявляется в налогово-бюджетной сфере. При этом я далек от критики межбюджетных отношений. Есть программа их развития, прошедшая уже несколько этапов. Она принята в начале нашего века, и нужен определенный период времени для того, чтобы она заработала полноценно. А затем уже надо делать выводы, если это окажется необходимым, о направлениях корректировки.

Вместе с тем все последнее десятилетие просматривается явственная тенденция федерального центра к аккумуляции доходов и централизации налоговых источников с последующим распределением по определенным критериям в регионы и между регионами. Эту тенденцию усиливают кризисные процессы, в результате фактически реализуется смешанная модель, в которой присутствует много элементов унитарного государства. Об этом также свидетельствует активное федеральное присутствие в регионах. Немалая часть бюджета идет на содержание почти четырех десятков представительств федеральных органов в субъектах Федерации.

Расширение собственных и совместных с центром полномочий регионов, передача социальных мандатов на уровень субъектов Федерации без обеспечения бюджетной достаточности ведет к искажению экономических пропорций. Диспропорции проявляются в отсутствие достаточного объема доходов у регионов и в том, что регионы задолжали примерно 2 трлн 400 млрд рублей федеральному центру. Возможно, последняя цифра иная, поскольку долг продолжает расти. Надо полагать, так и происходит при нынешней оптимизации бюджетных расходов.

Регионы, получая бюджетные кредиты, не могут по ним расплатиться и берут банковские кредиты, что еще больше усугубляет их финансовое состояние. Более того, возникла ситуация, при которой обсуждается вопрос о возможности (пока гипотетической) банкротства отдельных субъектов Федерации.

Но регион — это не только субъект Федерации, это понятие шире. Что делать с другими

территориальными образованиями? В нашей стране 150 с лишним тысяч сельских поселений, из которых треть, будучи юридически зафиксированными, не имеют ни одного жителя, примерно треть — до 100 человек. От 8 до 10 тыс. муниципалитетов имеют бюджеты до 1,5 млн рублей в год. Понятно, что они не могут себя обеспечить финансово и должны объединяться, и это сейчас происходит повсеместно.

Возникает вопрос: виноваты сами регионы или нет? При экономии на инвестициях, сдерживании денежной эмиссии и сжатой денежной массе, неравномерном распределении денег по экономическому пространству сокращается спрос и снижается экономическая активность в регионах (это хорошо видно на примере малого бизнеса). Они не могут справиться с этой ситуацией без собственных источников финансирования своей деятельности.

Общение с администрацией даже развитых регионов говорит о том, что целый ряд наиболее крупных компаний, работающих на их территории, находятся под контролем федеративного центра, в результате чего значительная часть налоговых поступлений утекает в Санкт-Петербург, Москву, Екатеринбург, Новосибирск, т. е. в крупные центры.

Это действительно требует пересмотра всей модели экономических взаимоотношений, на что нужно время. Кстати, сами регионы через Конституционный Суд РФ предъявили значительные иски федеральному центру в связи с неполным выполнением обязательств перед региональными бюджетами.

— Понятно, что процесс согласования интересов центра и регионов очень непростой, но что можно было бы предпринять уже сейчас?

— Мне кажется, было бы полезно вернуться к системе налогообложения, которая существовала до 2004 г. и оставляла значительно больше источников доходов регионам. В частности, сейчас вновь поднята тема введения регионального налога с продаж. Он взимался с 1998 по 2004 г. Некоторые муниципалитеты недавно подсчитали, что они получили бы гораздо больше финансовых ресурсов, если бы вернулись к прежней системе. Возможно, это так, надо проверять на цифрах. Одно ясно, что компромиссное предложение Минфина разрешить регионам получать дополнительные сборы с торговли, объектов питания и т. д. только утяжелит налоговое бремя малого бизнеса.

При всей важности оптимизации налогово-бюджетных основ российского федерализма к ней нельзя сводить проблемы согласования интересов

центра и регионов. Основы механизмов согласования должны строиться в рамках государственной политики регионального и пространственного развития страны — об этом много разговоров. В прошлые годы принимались различные версии региональной политики, однако сейчас такого нет.

Организация пространства, особенно для географических масштабов нашей страны, имеет основополагающее значение и для выбора той или иной системы экономических отношений между регионами и федеральным центром. Административно-территориальное деление страны, которое только усложнилось в 2003 г. с принятием Федерального закона № 131 о территориальной организации местного самоуправления, отличается большой дробностью и очень сложными отношениями между городскими и сельскими поселениями, муниципалитетами и субъектами Федерации.

По Конституции укрупнение и объединение требуют определенного согласия существующих субъектов Федерации. Невольно приходишь к выводу, что федеральные округа, хотя и не вполне конституционные в нынешнем виде, — это более рациональная форма организации пространства.

Есть и другой путь, о котором я говорил на одном из заседаний при корректировке «Стратегии 2020»: административное деление может дополняться или привязываться к экономическому районированию.

Основные принципы экономического районирования территорий в привязке к естественно-географическим условиям были заложены еще в начале XX в. германской школой территориального размещения производства. Эти принципы были развиты советской школой и применены на практике при размещении производительных сил. Экономические регионы значительно крупнее существующих административных образований (кстати, они перечислены и описаны в общероссийском классификаторе). К ним следовало бы привязывать укрупненные административно-территориальные образования и выстраивать систему их самообеспечения и взаимоотношений с центром.

Думаю, Европа выбрала более верную политику регионального развития, когда стала создавать еврорегионы. Это объединение территорий, где проживают 5 млн человек: производится ВРП, обеспечивающий самодостаточность, осуществляется самоуправление и определяются перспективы развития. Важно, что при этом обеспечивается минимизация производственных и транспортных затрат, а также существенная экономия на руководящем

и административном персонале. Добавлю, что европейские регионы имеют представительство и в Европейском парламенте в Страсбурге. У нас были предприняты попытки неформально воспроизвести европейский опыт.

— **Вернемся к классическому вопросу: «Что делать?», ведь в условиях турбулентности трудно давать оценки текущей ситуации и прогнозировать тенденции ее развития.**

— Первое. Нет единственной проблемы, решение которой позволит радикально улучшить ситуацию. Их несколько, и я уже их упоминал, подчеркивая, что они равнозначны.

Второе. Необходимо ограничить избыточные вольности в денежно-кредитной политике. Надо определиться, наконец, — наш ЦБ суверенный или нет. Каковы разумные границы между суверенитетом и участием в международных глобальных системах, где принимаются решения, на которые мы не можем воздействовать, и решения, которые нужно фильтровать с позиций наших интересов и возможностей.

Есть вольности, против отмены которых Центральный банк категорически против. Тем не менее целесообразно не препятствовать, а рассчитать, к чему могут привести определенные временные ограничения на движение капитала по счету текущих операций. Это было всегда и везде, многие страны эту практику применяли. Напомню, что даже в Великобритании, финансовой столице мира, которая в 1960-е гг. была в очень тяжелом финансовом положении и переживала бесконечные девальвации, запретили вывозить за рубеж более тысячи фунтов стерлингов на человека. Кризис пережили, и ограничение отменили.

Третье. Параллельно с этим следует ограничить хождение иностранной валюты в стране, иначе рубль не вернет себе необходимую прочность. Существуют разные предложения, надо просчитать возможные проблемы и потери. Центральный банк все-таки должен не только бороться с инфляцией и поддерживать валютный курс.

Помимо достижения финансовой стабильности, Центральному банку поручено озаботиться интересами реальной экономики. Как минимум, он не должен вследствие своей политики сдерживать экономическое развитие.

Четвертое. Более эффективного управления требуют естественные монополии и государственные корпорации. Они не должны ориентироваться на мировые цены и равные условия конкуренции,

чтобы сдерживать инфляцию. Кроме того, распространилась практика закладывать инвестиционную составляющую в тариф, который может лишь частично обеспечивать развитие.

Пятое. Необходимо повысить эффективность управления нашими резервными фондами. Были планы создать для этого управляющую компанию, но запущенная кем-то идея о ее приватизации поставила на ней жирный крест. Сейчас средства фондов вложены под 0,8–2%, что гораздо ниже уровня инфляции, поскольку происходит их быстрое обесценение. Изучали зарубежный опыт, который с высокой надежностью позволял выйти на нормальный уровень доходности наших накоплений, но все напрасно.

Шестое. Должны заработать институты развития, которые не работают в необходимых масштабах. Внешэкономбанк знает, что надо делать, там очень грамотные специалисты с высоким потенциалом. Кроме того, должны заработать региональные институты развития, причем в связке с федеральными, хотя координирующая их деятельность система все еще не создана.

Седьмое. Мобилизованы средства, а деньги в стране есть — на инвестиции и на малый и средний бизнес, с которым, на мой взгляд, сложилась катастрофическая ситуация.

Очень плохо обстоит дело с инвестициями, поскольку в бюджете сокращены расходы на целый ряд проектов. И это при том, что за последние лет 12–13 затраты на поддержание инфраструктуры в добывающих отраслях выросли более чем в 10 раз, в обрабатывающей промышленности чуть меньше — в 7 раз. Поэтому нам не хватит никаких накоплений, чтобы обеспечить темпы экономического роста в ближайшем будущем.

Таким образом, в первую очередь деньги должны быть сконцентрированы на инвестиционные проекты в инфраструктуру и в обрабатывающую промышленность, где есть перспективные научно-технологические заделы.

А начинать надо с того, о чем говорилось выше, — создать Центр стратегического и индикативного планирования; определить цели и задачи; поэтапно двигаться вперед. Ввести определенные ограничения на движение капитала, запустить институты развития, инвестировать в инфраструктуру и ключевые отрасли обрабатывающей промышленности. И, конечно, необходимо развитие сельского хозяйства, которое должно решить проблему продовольственной безопасности.

